правило, для русской традиции в Литве характерны особая тщательность и осмысленность приспособления нового образа к исходному тексту. При этом необходимо учитывать, что загадки, как и пословицы, – это фольклор, «лежащий в значительной мере в области языкотворчества» [3, с. 15]. Заимствованные элементы адаптировались традицией, перерабатывались ею, превращаясь из *чужих* в *свои*.

Литература

1. Гаврилова (Шадрина) Т.С. Пословица и контекст (собрание пословиц в самозаписи Е.И. Колесниковой) // Русский фольклор. XXV. Л. : Наука, 1989. С. 144 – 152.

2. Гильтебрандт П. Загадки // Сборник памятников народного творчества Северно-Западного края. Вильна: Тип. Р.М. Рома, 1866. Вып. первый. С. 295 – 300.

3. Емельянов Л.И. Понятие «фольклор» в советской фольклористике // Русский фольклор. VI. Материалы и исследования. М.; Л.: Наука, 1961. С. 5 – 33.

4. Загадки // Фольклор старообрядцев Литвы: тексты и исследование. Т. I. Сказки. Пословицы. Загадки / сост. Ю. Новиков. Вильнюс : Изд-во Вильнюс. пед. ун-та, 2007. С. 542 – 555.

5. Загадки Астраханской губернии: (Записи Ф. Орлова) // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 201 – 205.

6. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. СПб. : Тип. Н.А. Лебедева, 1876.

7. Митропольская Н.К. Русские загадки, записанные в Зарасайском, Аникщяйском, Игналинском и других районах Литовской ССР от местного русского старожильческого населения // Научные труды вузов ЛитССР. Литература. 1974. № XIV (2). С. 131 – 155.

8. Плотникова А.А. Ветер // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 357 – 361.

9. Словарь белорусского наречия, составленный И.И. Носовичем. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1870.

10. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб. : Наука, 2002. Вып. 36.

11. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб. : Наука, 2007. Вып. 41.

12. Шадрина Т.С. К вопросу о влиянии образности польского фольклора на русские загадки // Актуальные вопросы филологии и культурологии : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (3 мая 2011 г.). Новосибирск : ЭНСКЕ, 2011. С. 183 – 187.

13. Шадрина Т.С. Функции русских и иноязычных имен собственных в паремиях и загадках русского анклава Литвы // Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (12 сент. 2011 г.). Новосибирск : ЭНСКЕ, 2011. С. 35 – 40.

14. Загадки / упорядкування І.П. Березовського. Київ : Вид-во Акад. наук УРСР, 1962.

15. Загадкі / склад. М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі; рэд. А.С. Фядосік. Мінск : Навука і тэхніка, 1972.

16. Lietuvių mįslės / Parengė Violeta Baltušytė. Vilnius : Žaltvykslė, 2007.

Riddle about the mill as the result of Russian-Byelorussian-Ukrainian contact parallels (on the material of the Russian folklore tradition in Lithuania)

There are considered the possible origins of figurativeness in one of the riddles about the mill fixed among the Russian old residential population of Lithuania. There is traced the influence of the Ukrainian, Byelorussian, general Russian folk traditions, complicated by the specificity of local conditions. There is analyzed the mechanism of the borrowed riddle inclusion into the repertory.

Key words: *riddle, surroundings of other ethnic group, Russian old residents of Lithuania, contact parallels.*

П. ЧЕСНОКОВА
(Волгоград)

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЧЕШСКИХ И РУССКИХ ГЕОРТОНИМАХ

Освещается один из процессов возникновения собственных имен – заимствование. Рассматривается география заимствований в чешской и русской геортонимии.

Ключевые слова: *ономастика, геортонимы, заимствование, калькирование, адаптация.*

Одним из путей формирования геортонимического поля в чешской и русской лингвокультурах является заимствование, которое наряду с онимизацией апеллятива и трансонимизацией имени собственного выступает одним из основных процессов возникновения собственных имен в славянских языках [2, с. 43]. В чешской геортонимии мы обнару-

© Чеснокова П., 2012

жили 79 заимствований (это составляет 4,36% от общего количества анализируемых чешских названий праздников), а в русской – 12 (0,37% от общего числа русских геортонимов). Несмотря на относительно низкие показатели, анализ результатов этого процесса важен, т.к. на его основании можно сделать выводы о влиянии других лингвокультур на чешскую и русскую. В таблице указано процентное соотношение заимствований в чешской и русской геортонимии.

Большинство заимствований в чешской геортонимии встречается в названиях христианских праздников. Поскольку чешская лингвокультура развивалась под влиянием католической церкви, которая обращается к христианским текстам на латинском языке, то закономерно, что в чешском языке преобладают заимствования из латыни. Такие заимствования сосуществуют с названиями праздников на чешском языке, но встречаются обычно в католических литургических текстах [6, с. 11–21; 8, с. 7–30; 9, 13–25 и др.]. Их чешские эквиваленты бывают двух видов. Одни являются кальками латинских названий праздников (словообразовательные кальки – *Triduum* > *Třídení; фразеологические кальки – Solemnitas nativitatis Domini* > *Slavnost Narození Páně, Magna Dominica* > *Velká neděle* и др.), другие представлены чешскими словами с семантикой, близкой латинским названиям (*Dominica Passionis* ‘Воскресенье страдания’ – *Smrtelná / Smrtná neděle* ‘Смертное воскресенье’, *Palmarum* ‘Пальмовое воскресенье’ – *Květnice, Květná neděle* ‘Цветочное воскресенье’ и др.).

Большинство латинских названий, используемых в чешской лингвокультуре, относится к периоду до и после праздника Пасхи (*Hebdomas sancta / Hebdomas magna* ‘Святая седмица/ Великая седмица’; слово *hebdomas* заимствовано латинским из греческого языка [9, с. 18; 1, с. 359]; три главные дня Страстной недели – Великий четверг, Великая пятница и Великая суббота – называются словосочетанием *velikonoční triduum (velikonoční třídení)* ‘пасхальная трехдневка’ [9, с. 18; 10, с. 47]; пятьдесять дней от праздника Воскресения Господня до праздника Святого Духа имеют одно наименование *Magna dominica – Velká neděle* ‘Великое воскресенье’ [6, с. 20]; *Quinquagesima – Padesátnice* ‘Пятидесятница’ и др.). Праздник Пятидесятницы в чешской лингвокультуре именуется не только *Quinquagesima*, но и *Pentecostes*. Последнее слово имеет также формы *Pentacostes / Pentakosté / Pentekosté* [5, с. 54; 6, с. 20; 9, с. 21; 10, с. 90], первые две из них ориентированы на латинское написание (ср. лат. *pentēcostēs, ēs, f.* [1, с. 564]), а последние две – на греческий предшественник (ср. греч. πεντηκοστή).

Заимствованиями и кальками из латинского языка называются не только пасхальные, но другие праздники (*dies Domini seu Dominica* ‘День Господень, или Воскресенье’ [6, с. 11]; *Felicis et Adaucti – Šťastného a zbožného* (30 августа) ‘Счастливого и богомольного’, *Purificatio sanctae Mariae – Očištění Panny Marie* (2 февраля) ‘Очищение Девы Марии’, *Circumcisio Domini – Svátek Obřezání Páně* ‘Обрезание Господне’ [5, с. 28, 22, 21]).

Влияние латинской лингвокультуры на чешскую обнаруживается также в том, что чехи для наименований праздников используют адаптированные латинские слова (*advent, vigilie, Pašijový týden, porciunkule, Apríl* и др.). Период рождественского поста у чехов называется словом *advent*, образованным от лат. *adventus, ūs, m.* ‘приход’ [7, с. 34; 1, с. 30]. Словом *vigilie* – от лат. *vigilia, ae, f.* ‘ночное бдение, ночное богослужение’ – называется *Svatvečer* ‘святвечер’ [1, с. 823]. *Svatý týden* ‘Страстная неделя’ приобрел название *Pašijový týden.* Лексема pašije образована от лат. *passiō, ōnis, f.* (Christī) – ‘utrpení Kristovo – страдания Господни’ [7, с. 437; 1, с. 556].

Праздник, ежегодно отмечаемый 2 августа в францисканских церквах, называется *porciunkule/porcinkule*. Это слово заимствовано от лат. *portiuncula, ae, f.* – ‘частица, кусочек’, являющегося деминутивом от *portiō, ōnis, f.* – ‘часть, доля’ [1, с. 599]. Как объясняет В. Махек, имеются в виду индульгенции, выдаваемые во время торжества [7, с. 472].

Prvního dubna (первого апреля) чехи отмечают День смеха, который называется словом *Apríl*, образованным от латинского *Aprīlis, is, m.* ‘апрель’ [1, с. 68]. В данном слове сохранена долгота гласного и отброшено окончание. Встречаются и греческие названия праздников (записанные латиницей) и их чешские кальки (*Hypapanti – Setkání ‘встреча’, Epifanie – Zjevení* ‘(Бого)явление’) [6, с. 13–15; 8, с. 16].

Другие межкультурные контакты чехов также наложили отпечаток на местные варианты некоторых названий праздников. В чешском языке встречаются наименования праздников, пришедшие из немецкой лингвокультуры. Эти слова в процессе функционирования в чешском языке приспосабливались к его нормам.

Название праздника *Vánoce* (в первоначальной форме **vęnocę*) является заимствованием др.-нем. *wînnahten* (сейчас *Weihnachten*). Эту лексему можно считать полукалькой,

Заимствования в чешских и русских геортонимах

Чешская лингвокультура			Русская лингвокультура		
Язык-источник	Количество заимствований	% от общего количества заимствованных геортонимов	Язык-источник	Количество заимствований	% от общего количества заимствованных геортонимов
Латинский	55	69,62	Церковно-славянский	7	58,33
Немецкий	17	21,52	Греческий	2	16,67
Греческий	4	5,06	Латинский	2	16,67
Польский	2	2,53	Тюркские	1	8,33
Венгерский	1	1,27			
ВСЕГО	79	100	ВСЕГО	12	100

т.к. первая часть исконного слова приспособилась к чешской фонетике (использование долгого гласного *-á-*), а вторая часть была переведена на чешский язык (*Nachten* → *noce* ‘ночи’) [7, с. 677]. Последние дни праздника *Masopust* ‘Масленица’ называются *fašang*, *fašank, fašanek, fašaněk, fašanky, fašankový úterek*. Формы геортонима образованы от ср.-верх.-нем. (баварско-австрийского) *vaschanc* (теперь *Fasching*), которое объясняется как „Ausschank des Fastentrunks” (*der Ausschank* = ‘разлив’, *fasten* = ‘поститься’, *der Trunk* = ‘напиток’ > ‘разлив постных напитков’) (Там же, с. 140). Слово *krmaš*, имеющее также формы *kermaš, karmaš*, образовано от ср.-нем. *kermesse = Kirmes* (< *Kirchmesse*) ‘храмовой праздник’ (Там же, с. 243). Обряд хлестания девушек вербовыми прутьями в понедельник после Пасхи в Моравии имеет название *šmigrust (šmirgust, šmerkust)*, которое образовано от нем. *Schmeckostern* ‘пасхальное колядование, хлестание прутиком’ [4, с. 448; 7, с. 617].

Кроме латинских и немецких названий праздников у чехов можно обнаружить и геортонимы, пришедшие из польской и венгерской лингвокультур. *Pobaba/pobava* – пир во время щипки перьев; пир, устраиваемый прядильщицами перед каждым воскресеньем и праздником [4, с. 428]. Слово *pobaba* польского происхождения, оно образовано от глагола *(po)wabić* = вызвать [7, с. 465]. В польском языке этим существительным называли вид барщины, которую в разгаре работ (жатвы и т.п.) исполняли в имении помещика вызванные для этого безземельные и малоземельные крестьяне. Венгерское происхождение имеет лексема *aldamáš*, которая используется в Моравии как синоним слова *dodírky* ‘праздник, устраиваемый после окончания щипки перьев’ [4, с. 428]. Слово *aldamáš* обозначает ‘подарок, фруктовое вино, зарплата’ (Там же).

Итак, в названиях главных чешских католических праздников встречается большое количество латинских заимствований, которые сосуществуют с названиями праздников на чешском языке. Последние являются словообразовательными и фразеологическими калькам латинских номинативных единиц или чешскими названиями праздников с семантикой, близкой латинским словам. Влияние латыни на чешскую лингвокультуру подтверждают также чешские адаптации латинских слов, ставшие названиями праздников. Многие региональные варианты геортонимов являются чешскими адаптациями исконно немецких, польских и венгерских слов.

Русская лингвокультура, как известно, формировалась под непосредственным влиянием православия, ориентированного на религиозные тексты на греческом языке. Этим обстоятельством объясняется то, что названия главных православных праздников в русской лингвокультуре являются кальками соответствующих греческих номинативных единиц. Все такие калькированные наименования заимствованы в русский язык из церковнославянского.

Название праздника *Вознесение* заимствовано из церковнославянского языка (< *воз-* и *нести*), где это слово было калькой греч. ἀνάληψις (τοῦ Σωτῆρος) [3, т. 1, с. 334]. В слове *Воскресение* (‘день воскресения (из мертвых)’ (ἀνάστασις)) имеется префикс *вос-*, что свидетельствует о его заимствовании из церковнославянского (Там же, с. 357). *Благовещение* – церковнославянская калька греч. εὐαγγελισμός (Там же, с. 170). *Преображение* – от ц.-слав. *прѣображение* от глагола *прѣобразити*, кальки греч. μεταμόρφωοις (Там же, т. 3, с. 359). Слово *Рождество* – заимствование из церковнославянского языка (ср. др.-рус. *рожьство*) (Там же, с. 493). *Сретенье* – ц.-слав. *срѣтениѣ господьне*, букв. «встреча», калька греч. ἡ Υπαπαντή τοϋ Κυρίου (Там же, с. 740).

Среди русских геортонимов мы обнаружили незначительное количество названий, заимствованных из других языков. Название главного из православных праздников – *Пасха* – восходит к греч. πάσχα (Там же, с. 216). По народной этимологии, произошло фонетическое преобразование *сх* > *ск* (Паска), возможно, под влиянием русских суффиксальных образований (*краска, ласка, миска;* ср. род. п. мн. ч. *пасок*). Прилагательное *пасхальный* образовано под влиянием лат. *paschālis* (Там же, с. 216).

Греческое πάσχα, в свою очередь, заимствовано от др.-евр. *pēsach* [7, с. 437]. В древнерусском и церковнославянском языках встречается заимствование из греческого языка без перевода – *пѧтикостии* (ж. р.), *пѧтикостие* (с. р.) – от πεντηχοστή *'Пятидесятница'* (Там же, с. 425).

Народное название дня памяти святых Бориса и Глеба имеет вариант *Барыш-день/Барышдень* (15 мая). Этот георгоним, возможно, ассоциативно связан со словом *барыш*, означающим «прибыль, доход», слово восходит к турецкому, крымско-татарскому *baryš* 'мир, примирение', киргизскому *baryš* 'поход, поездка' (Там же, т. 1, с. 129).

Георгонимы *коляда*, *русалии* являются адаптациями заимствованных латинских слов *calendae* и *rosālia*, первое из которых выступает названием первого дня месяца (Там же, т. 2, с. 299–300), а второе – наименованием античного праздника роз, устраиваемого летом примерно в то же время, когда христианами позже стал отмечаться праздник Троицы (Там же, т. 3, с. 520).

В русской лингвокультуре среди заимствованных георгонимов преобладают заимствования из церковнославянского языка, литургического языка Русской православной церкви, которые, в свою очередь, являются кальками греческих названий. Единичны примеры заимствований из греческого, латинского и тюркских языков.

Литература

1. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М. : Рус. яз.: Медия, 2003.
2. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопр. языкознания. 1990. № 3. С. 40–53.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. М. : Прогресс, 1986 – 1987. Т. 1 – 3.
4. Balhar J., Jančák P. a kol. Český jazykový atlas. 2.díl. Praha : Academia, 1997.
5. Fritz V. Staročeský kalendář (se seznamem pevných svátků podle křesťanského kalendáře z XV. a XVI. století). Hradec Králové : Hvězdárna v HK, 1995.
6. Kunetka F. Liturgický rok ve slavení církve. 1. vydání. Olomouc : Matice cyrilometodějská, 1995.
7. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého / věd. red. prof. dr. V. Šmilauer, DrSc. Praha: Academia, 1971.
8. Pojsl M. Křesťanský rok. V katolické liturgii a lidové tradici. Hradec Králové : Pedagogické centrum, 1999.
9. Rameš V. Po kom se jmenujeme? Encyklopedie křestních jmen. 2.vydání. Praha : Libri, 2001.
10. Vavřinová V. Malá encyklopedie Velikonoc. 1. vydání. Praha : Libri, 2006.

Loanwords in Czech and Russian heteronyms

There is covered one of the processes of proper names origins – borrowings. There is considered the geography of loanwords in Czech and Russian heteronomy.

Key words: *onomastics, heteronyms, loanword, loan translation, adaptation.*

ЧЖАН ЧАНЬ
(Волгоград)

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗАЦИИ КАК ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ЯЗЫКЕ КИТАЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРЕССЫ

Рассматривается реализация принципа вежливости в языке китайской женской прессы с использованием эвфемистических замен. Особое внимание уделяется выявлению основных тематических групп эвфемизмов, предлагается их типология по сферам употребления.

Ключевые слова: *эвфемизм, принцип вежливости, гендерная лингвистика, китайский язык.*

Известно, что мужчины и женщины часто используют разные выражения для обозначения одинаковых понятий. В настоящее время гендерная лингвистика является самостоятельным научным направлением. Многие лингвисты сходятся во мнении, что отличительной чертой женского стиля общения является использование принципа вежливости, или тактики сотрудничества [2; 6].

Большой вклад в изучение различий в речевой практике мужчин и женщин внес О. Есперсен. Он пришел к выводу, что мужчины и женщины говорят в определенном смысле на разных языках: по-разному строят предложения, применяют разные языковые средства для выражения одного и того же смысла; женщинам в большей мере свойственны языковые табу, они используют традиционный язык, опираясь на установленные правила. По мнению автора, женщины употребляют иную, нежели мужчины, лексику, более склонны к

© Чжан Чань, 2012